

Дошло до такого, что Лу Цы, раз уж так вышло, невозмутимо продолжил сочинять:

— Потеря памяти — это правда, но я сказал судье, что признаю любую вину, которую он мне припишет. Судья обрадовался и подарил мне новую одежду.

Уголок рта юноши дернулся. Он подумал: «Я тоже сразу во всем признался, почему мне ничего не подарили? Неужели только потому, что он красивый?».

Лу Цы всё еще помнил о свитке у себя в руках и не хотел, чтобы его продолжали расспрашивать. Он притворно зевнул и встал, направляясь к масляной лампе у стены:

— Ладно, я пошел спать. Ты тоже отдыхай, а то скоро рассветет.

Юноша за стеной крикнул:

— Эй, эй!

Увидев, что Лу Цы не собирается возвращаться, он громко возмутился:

— Эй! Я же научил тебя, как признаваться, чтобы спастись. Разве я не твой благодетель? Даже спасибо не скажешь?

Лу Цы сел на корточки у стены и отмахнулся:

— Да-да, спасибо, спасибо.

При этом он достал свиток, поднес к лампе и раскрыл. Только перевернув титульную страницу, он вдруг вспомнил об одном деле, повернул голову и громко спросил:

— Кстати, как тебя зовут?

Юноша был вне себя от злости и от злости промолчал. Однако спустя некоторое время, поняв, что Лу Цы и не собирается выпрашивать, он скрипнул зубами и процедил:

— Цзян Хэ!

...

Десять дней спустя тучи по-прежнему нависали над морем.

У черных скалистых берегов, о которые бились волны, огромный корабль с головой дракона поднял якорь и отправился в плавание от Безбрежного Моря Горечи к острову Сихэ в Восточном море.

Черные паруса с алыми вышитыми драконами, символизирующие принадлежность к террасе Сюаньцзин, развевались на ветру.

На палубе была выставлена строгая охрана, солдаты с копьями стояли, обратившись лицом к морю.

...

В трюме корабля.

Лу Цы сидел в глубине железной клетки, рядом с Цзян Хэ, Ядовитым Пауком и еще тремя заключенными.

Всего сорок восемь заключенных отправлялись в тайную обитель Цанлин для участия в Великой церемонии Помилования. Они были разделены на восемь групп по шесть человек, каждая из которых находилась в отдельной железной клетке.

Одежда Лу Цы привлекала внимание, и когда его вывели из камеры к берегу, многие бросили на него взгляды. Теперь, находясь в одной клетке с Цзян Хэ и безумным Ядовитым Пауком, трое других заключенных стали рассматривать его еще более нагло.

Один из них, шрам на лице, смотрел особенно недоброжелательно. Прищурившись, он зловеще спросил:

— Ты какого роду-племени, брат?

Лу Цы ожидал подобного вопроса и не собирался ничего объяснять. Он уже приготовился притвориться немым и отмахнуться жестами, но Цзян Хэ опередил его:

— Тебе какое дело?

Ядовитый Паук с момента попадания в камеру всё время сидел в углу и бормотал что-то себе под нос, но услышав эти слова, он вдруг обернулся и безумно усмехнулся:

— Хе-хе, тебе какое дело?

Мужчина со шрамом давно понял, что Паук безумен, и не обратил на него внимания, лишь злобно посмотрел на Цзян Хэ и сплюнул:

— Я с ним разговариваю, тебе тут какое дело?! Отвали!

Паук снова повторил:

— Отвали!

Цзян Хэ скрестил руки на груди и прислонился к стене, насмешливо произнес:

— А вот я люблю вмешиваться в чужие дела. Что ты мне сделаешь?

Лу Цы бросил на него взгляд. Почему-то он чувствовал, что этот парень намеренно провоцирует, но не мог понять его цели.

— Едрить твою! — Мужчина со шрамом вспылал, резко вскочив и бросившись на Цзян Хэ.

Цзян Хэ оставался спокоен и неподвижен, спокойно ожидая, когда тот подбежит ближе. Внезапно он левой ногой зацепил цепь на ноге мужчины, а правой ногой сильно ударил его, отправив прямо к Ядовитому Пауку!

Паук среагировал мгновенно, высунув язык и выпустив нить, которая молниеносно обвила шею мужчины. Резко дернув, он отсек голову! Лу Цы только успел обернуться, как его лицо забрызгало кровью!

Голова мужчины со шрамом покатила по полу, а из шеи хлынула кровь. Тело еще несколько раз дернулось, прежде чем упасть на землю.

Все произошло в мгновение ока. Лу Цы, потрясенный и не веря своим глазам, резко повернулся к Цзян Хэ.

Цзян Хэ удовлетворенно усмехнулся, медленно провел рукой по щеке, стирая кровь, и вдруг бросился к двери:

— Люди! Убили! Спасите!

Он громко стучал по железной двери, вызывая безумный смех Ядовитого Паука:

— Ха-ха-ха, убили! Спасите!

Крики быстро привлекли нескольких охранников. Увидев происходящее в камере, они ужаснулись и в гневе закричали:

— Кто это сделал?!

Цзян Хэ обернулся и указал на Паука:

— Он!

Охранники вопросительно посмотрели на остальных. Двое других заключенных были все еще в шоке и торопливо закивали. Даже сам Паук, хихикая, указал на себя:

— Я! Я!

Охранник с отвращением взглянул на Паука, открыл дверь и рявкнул на него:

— Вон!

Паук, казалось, совершенно не осознавал, что натворил, и, воодушевившись, ловко подскочил и побежал к двери:

— Пошли! Пошли!

Охранник посторонился, пропуская его, затем жестом велел двум другим солдатам войти и вытащить тело и голову мужчины со шрамом. Заперев дверь, он прикрикнул:

— Вести себя прилично!

Цзян Хэ наблюдал, как они уходят, затем повернулся и с довольной ухмылкой сел обратно на свое место.

Лу Цы спросил:

— Куда его ведут?

Цзян Хэ лениво вернулся на свое место у стены и как ни в чем не бывало ответил:

— Наверное, казнят на месте. Совершить преступление во время Великой церемонии Помилования — значит усугубить вину.

Сказав это, он самодовольно улыбнулся и развел руками в сторону Лу Цы:

— Видишь? Сразу на двух соперников меньше.

Лу Цы внезапно понял: Цзян Хэ знал, что совершение преступления во время Великой церемонии Помилования приведет к смерти, поэтому намеренно спровоцировал мужчину со шрамом, а затем использовал Ядовитого Паука, чтобы устранить его. Таким образом, он убил двух зайцев одним выстрелом, и число соперников на церемонии уменьшилось на два.

Цзян Хэ говорил беззвучно, и двое оставшихся заключенных, услышав это, возмутились:

— Ты это специально сделали?!

Цзян Хэ повернулся к ним:

— Что? Хотите отомстить за него? Может, попробуете?

В его голосе звучала и насмешка, и угроза. Двое заключенных, вспомнив недавнюю судьбу мужчины со шрамом, тут же застыли в страхе.

Хотя Ядовитого Паука уже не было, они не знали, на что способен Цзян Хэ, и не решались нападать. К тому же они не были знакомы с мужчиной со шрамом, поэтому не хотели рисковать ради него.

Подумав так, они умолкли и даже отодвинулись подальше, боясь оказаться слишком близко к Цзян Хэ.

Видя их реакцию, Цзян Хэ презрительно фыркнул, повернулся к Лу Цы и еще более дерзко насмеялся:

— Такие отбросы, как они, в тайной обители все равно обречены на смерть. Какая разница, пойдут они туда или нет?

Лу Цы, глядя на его уверенное выражение лица, почувствовал себя не в своей тарелке: раньше в камере он считал этого юношу всего лишь хитрым и изворотливым, но теперь понял, что тот не так прост.

Однако уже не было смысла копаться в характере этого юноши, поэтому Лу Цы спросил:

— Откуда ты знал, что Паук обязательно нападет?

Цзян Хэ усмехнулся:

— Я же сидел напротив него довольно долго. Разве я не знаю его повадки? Все, что внезапно приближается к нему — будь то человек или предмет, — он атакует. Это его инстинкт.

Услышав это, Лу Цы вспомнил, как в тот день, когда он очнулся, Ядовитый Паук бросил ему булочку. Теперь он понял, почему Цзян Хэ знал, что булочку «украл» Паук, и как использовать миску с кашей, чтобы заставить Паука использовать свою нить. Оказывается, Цзян Хэ все это время наблюдал за каждым движением Паука.

Более того, Цзян Хэ, вероятно, давно понял, что такой «инстинкт» Паука трудно контролировать, и если они станут соперниками на Великой церемонии Помилования, это будет серьезной проблемой. Поскольку терраса Сюаньцзин смогла поймать Паука, у них, конечно, есть способ справиться с ним. Поэтому Цзян Хэ решил заставить Паука напасть на корабле и передать его террасе Сюаньцзин для решения.

Поняв это, Лу Цы еще больше «оценил» этого юношу: с ним победа на Великой церемонии

Помилования будет не такой уж легкой.

На самом деле, до этого инцидента Лу Цы не особо осознавал, что вокруг него враги. Он представлял Великую церемонию Помилования как состязание, где каждый борется за победу, полагаясь на свои силы.

Но теперь он понял, что все гораздо сложнее — это борьба не на жизнь, а на смерть, где никто не будет проявлять милосердия.

На носу корабля.

Чжунли Буфу сидел в инвалидном кресле, выслушав доклад охранников о случившемся в трюме. Ло Ханьсинь стоял рядом и удивленно спросил:

— Почему он вдруг убил человека?

Охранник неловко усмехнулся:

— Эх, он же сумасшедший. Что только не сделает в припадке?

<http://bllate.org/book/16826/1565179>